

Минатуллаева Мадина Магомед-Шапиевна

**ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ И
ФОЛЬКЛОРА В ПОЭЗИИ МАГОМЕДА АТАБАЕВА**

В статье проанализировано своеобразие использования в стихотворениях М. Атабаева кумыкских обычаев и фольклора, связанных со свадьбой, песней-танцем "суйдум-таяк", головным убором, куначеством и др., их новая идейно-художественная интерпретация. Особенностью этой интерпретации является переход от "механического" использования фольклорных сюжетов и текстов в своих поэтических произведениях к "переводу" их значения на современное звучание с одновременным осуждением отживших адатов старины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 30-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821. 351.0 +821.35

В статье проанализировано своеобразие использования в стихотворениях М. Атабаева кумыкских обычаев и фольклора, связанных со свадьбой, песней-танцем «суйдюм-таяк», головным убором, куначеством и др., их новая идейно-художественная интерпретация. Особенностью этой интерпретации является переход от «механического» использования фольклорных сюжетов и текстов в своих поэтических произведениях к «переводу» их значения на современное звучание с одновременным осуждением отживших адатов старины.

Ключевые слова и фразы: литература; фольклор; обычай; свадьба; песня; танец; любовь; богатство; традиция и новаторство; суйдюм-таяк.

Минатуллаева Мадина Магомед-Шапиевна, к. филол. н.
 Дагестанский институт развития образования
 m_minatulaeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ И ФОЛЬКЛОРА В ПОЭЗИИ МАГОМЕДА АТАБАЕВА

Народный поэт Дагестана Магомед Атабаев – один из самых талантливых, представителей современной кумыкской литературы.

Родившись и значительную часть своей жизни проведя в Аксае, который по праву называют «селом писателей» и в котором хорошо сохранились и развивались народные традиции, фольклор, М. Атабаев естественным образом творчески обращался к культурному наследию жителей своего аула, а через него – и к наследию всего народа.

Как и у других народов, на этапе становления кумыкской литературы наблюдалось «ученическое» обращение авторов к использованию фольклорно-этнографических традиций в своем творчестве, что обычно выражалось в «механическом» использовании устно-поэтических текстов, в переложении фольклорных сюжетов, во включении этнографизмов, зачастую для создания национального колорита. Этот тип связей У. Б. Далгат относит к первому уровню [3, с. 13-15].

Постепенно мастерство использования фольклоризмов и этнографизмов в авторском творчестве совершенствовалось, фольклорно-литературные связи становились более гармоничными, естественными, в пределах разумной достаточности соответствующими идейно-художественному замыслу писателя.

Относя этот тип фольклорно-литературных связей ко второму уровню, У. Б. Далгат, в частности, отмечает: «На втором уровне литературного развития соотношение между коллективным и индивидуальным творчеством изменяется в пользу индивидуального, что проявляется в обрисовке героев, в появлении индивидуального стиля, автобиографизма профессионального творчества и т.п. Изменяется и роль фольклорных элементов в составе художественного произведения. Фольклорные элементы, особенно лексико-фразеологические единицы, в большинстве случаев подвергаются функциональному стилиобразующему, системному преобразованию. При этом осуществляется творчески-индивидуальный “перевод” их значения в иную эмоционально-смысловую сферу, что во многом зависит от творческой самостоятельности писателя, его художественного самосознания» [Там же, с. 14].

Очень часто Магомед Атабаев обращается к свадебным обычаям и фольклору и всегда находит в них такой ракурс, аспект и т.п., которые помогают автору выразить свои жизненные принципы, идеи, чувства, своё поэтическое кредо.

Одним из наиболее красивых атрибутов кумыкской свадьбы является так называемый «Суйдюм-таяк», т.е. «Палочка (веточка) любви». Её обычно готовила перед свадьбой невеста, иногда с помощью своих подруг: небольшая палочка обёртывалась в красивую ткань, её обвязывали разными лентами, бисером и т.п. Во время танцев «Суйдюм-таяк», как приглашение к танцу, передавалась парнем девушке или девушкой парню, чем выражались и симпатии к партнеру по танцу; обычно этот красочный обряд сопровождался *сарынами* – четверостишиями типа частушек, как правило, любовного или юмористического содержания [1, с. 159-160].

Стихотворение М. Атабаева «Суйдюм-таяк» начинается с краткого образного описания этого обычая:

Тойда – суюв, тойда – насип,

Тойда къызлар сайлана,

Суйгенлеге арачыдай

Суйдюм-таяк айлана [3, с. 106-107]... /

На свадьбе – любовь, на свадьбе – счастье,

На свадьбе выбирают девушек,

Как посредница между влюбленными,

Суйдюм-таяк возвращается (передается по кругу)... (здесь и далее подстрочные переводы автора – М. М.).

Далее поэт вспоминает свои молодые годы, когда он и его сверстники, и вручали *суйдюм-таяк* девушкам, и сами, получая его от девушек, не сходили с центра танцевального круга.

Но годы прошли, от жизненных испытаний рано поседели головы некогда молодых людей, да и вообще постарели они, теперь на свадьбах им подают изысканные блюда, однако редко передают *суйдюм-таяк*, да и когда передают, уже предлагают выйти танцевать другому...

Всё это, конечно, грустно, но поэт М. Атабаев понимает неотвратимость наступления старости, знает, что закономерно пришло на смену новое поколение, которому он и желает радостей жизни, свадебного веселья, любви...

В более раннем стихотворении «Тойда» / «На свадьбе» [2, с. 19-20] М. Атабаев также упоминает о своего рода «волшебном свойстве» *суйдюм-таяк*: на полном веселье свадьбе поэт вспоминает свою возлюбленную, впадает как бы в забытие, представляет, будто вся природа справляет его свадьбу, но это, конечно, лишь мечты, ему грустно, и в это время «симпатичная девушка, словно радость даря, протягивает суйдюм-таяк», т.е. его жизнь ещё не завершена, ещё можно надеяться на счастливую любовь.

Первая, по видимому несчастная, любовь М. Атабаева часто особенно эмоционально вспоминается ему в связи со свадьбами. В этом отношении наиболее впечатляющим является стихотворение «Той тавушгъа...» / «На звуки свадьбы...». Оно обрамлено следующим четверостишием:

*Юрек! Аста, сен айттагъан тюз гелмей,
Осал болсанг, таш-темирдей къат бугюн.
Сен сюеген ерде бизин гёзлемей,
Сен айтагъан ерде бизге шат тюзюл* [Там же, с. 35-36]. /
Сердце! Успокойся, твои устремления несбыточны,
Если слабость и проявляешь, но ныне будь твёрдым,
как камень, как железо.
Там, куда тебя тянет, нас не ждут,
Там, куда ты стремишься, нам не рады.

Далее мы узнаем, что сердце тянет поэта пойти на свадьбу, где выходит замуж его возлюбленная, чтобы может быть в последний раз взглянуть на её лицо, хотя поэт и будет там выглядеть, «как чёрная туча, на ясном небе», хотя хозяевам свадьбы он и покажется, «как ливень, готовый пролиться, чтобы расстроить свадьбу» [Там же, с. 35].

Однако герой стихотворения и не помышляет о таком, более того, он восклицает: «Пусть молодежь, приседая на колени, (лихо) танцует на моей последней надежде (соединиться с возлюбленной)!» [Там же].

Поэт сетует на то, что мать девушки предпочла того, кто мог дать большой калым за дочь, и при уходе со свадьбы её звуки слышатся, как смех того парня, который оказался победителем в соперничестве за ту девушку.

Вообще-то, калым призван материально обеспечить, прежде всего, вновь созданную семью. Однако для бедных слоев населения он зачастую представлял большую проблему, особенно тогда, когда, возвеличивая достоинство своей дочери, родители непомерно увеличивали «её цену», т.е. калым – это было и в прошлом, но, пожалуй, получили наиболее сильное развитие в наше время.

Иронизируя над родителями, зараженными «вирусом вещизма», накопительства, а по сути недалекими людьми, Магомед Атабаев в стихотворении «Гелечилер гелгенде...» / «Когда пришли сваты...» [Там же, с. 465-466] описывает, как чадолюбивая мать якобы восхваляет свою дочь, восседающую на почётном месте: она дородна собой, не пропускает ни одного кино, спектакля, удачно занимается торговлей, ей мать даёт много денег, за деньги устроила в институт, а теперь мать забегалась, чтобы и учёную степень раздобыть, мать одевает её в самую модную одежду, в день раз пять она сменяет одеяния, питается изысканно, никому спуска не даёт...

Под конец сват говорит матери, что она изложила все недостатки своей дочери, и спрашивает, нет ли у дочери и похвальных качеств.

О том, как обожествление «золотого тельца» к неприличным поступкам даже жениха на своей свадьбе (который, кстати, на традиционной дагестанской свадьбе вообще не присутствовал – он бывал на «малой свадьбе» у близкого друга), описан М. Атабаевым в стихотворении, озаглавленном кумыкским свадебным благопожеланием «Арты хайыр болсун!» / «Пусть добром завершится!» [Там же, с. 25-26]: видимо, зная скопидомство хозяев свадьбы, поэт нехотя идёт на их семейное торжество, проходит время, он подходит к молодым, протягивает бокал невесте, чтобы чокнуться с нею и произнести тост, в это время она непроизвольно роняет свой бокал, он разбивается, и тут жених вскрикивает: «Хрусталь!». У смущённой невесты на глаза наворачиваются слёзы, на свадьбе воцаряется тишина...

М. Атабаев, разумеется, не только с осуждением относится к современной свадьбе, он, наоборот, в целом восхищается этой красочной и радостной обрядностью («Гелин машин» / «Машина невесты» и др.).

В некоторых произведениях М. Атабаева народные традиции, обычаи не описываются, а как бы присутствуют сами собой в подтексте, т.к. они широко известны в народе. Художественное использование их предоставляет поэту широкие возможности для выражения своего отношения ко многим явлениям жизни – как положительным, так и отрицательным.

В Дагестане, как известно, традиционно особое внимание уделялось головному убору, который использовался не только, а порой и не столько для защиты головы от холода и жары, сколько для выражения своего достоинства, состояния и т.п.

Так, для мужчин папаха являлась и своего рода символом его чести, мужества, достатка и т.д. Ударить чью-либо папаху оземь было равносильно смертельному его унижению.

Однако не всегда носящий папаху достоин её:

<i>Къоччакъны башында</i>	/ На голове храбреца
<i>Оърдемен.</i>	/ Я наверху (с достоинством).
<i>Къоччакъны башында</i>	/ На голове труса
<i>Ердемен.</i>	/ Я внизу (унижен).
<i>Осалны башында</i>	/ На голове слабовольного
<i>Ярашмайман бир де мен</i> [Там же, с. 67].	/ Мне не прилично быть никогда.

И, конечно же, такой принципиальный поэт, как М. Атабаев, не может спокойно проходить мимо тех, кто, кичась своим богатством, носит дорогостоящую папаху:

<i>Гьона, бара бир «тюлюк»,</i>	/ Вон идёт один «лис»,
<i>Сындырып гийген бёркню,</i>	/ Гордо надев папаху,
<i>Гёзюнгню кьамашидыра</i>	/ Глаза твои ослепляет
<i>Кёрпели бёркню кёркю.</i>	/ Красота меховой папахи.
<i>Башында багьалы бёрк,</i>	/ На его голове дорогая папаху,
<i>Башы кепекге тиймей,</i>	/ (А) голова самого не стоит и копейки,
<i>Кепекден кьайры затгъа</i>	/ Кроме как перед копейками,
<i>Багьалы бёрк баш иймей</i> [Там же, с. 146].	/ (Та) дорогая папаху головы не склоняет.

Женский платок также носил и символический характер, в частности его чёрный цвет, обозначающий траур, смерть очень близкого той или иной женщине человека. В стихотворении «Къараявлукъ» / «Чёрный платок» [Там же, с. 240] Магомед Атабаев с пронизывающей сердца читателей болью пишет о том, что женщин, носящих траурную одежду, у нас становится всё больше и больше, хотя вроде бы войны у нас и нет. Мастерское использование поэтом экспрессивных изобразительно-выразительных средств делает это произведение Атабаева особенно впечатляющим: «чёрные платки окрашены в чёрный цвет чёрных дней»; «как ребёнок – сирота, плачет моё сердце», «ох, матери, сестрёнки, одетые в чёрное, видя вас, разрывается моё сердце!» [Там же].

Как известно, гостеприимство (куначество) относится к наиболее почитаемому на Кавказе обычаю, любой кунак уважаем, а любой хозяин дома обязан выполнять его желания. Как бы напоминая об этом, М. Атабаев в стихотворении «Къонакъ» / «Кунак» пишет:

<i>Овзюнг гиччи бусанг да,</i>	/ Хотя ты и младше,
<i>Къонакъ барсанг – уллусан,</i>	/ Если ты пойдёшь в гости, ты старше (хозяина дома);
<i>Овзюнг уллу бусанг да,</i>	/ Хотя ты и старше,
<i>Къонакъ гелсе – кьулусан</i> [Там же, с. 290].	/ Если придёт гость, ты его раб (слуга...).

В Дагестане издавна общественность аула для решения важных проблем, для извещения о некоторых событиях и т.п. собиралась на определенном месте, которое у кумыков называется «очар». В одноименном стихотворении М. Атабаева говорится о случае, когда участники Великой Отечественной войны рассказывали о ее событиях, героизме и т.п. Это в послевоенные годы было, очевидно, довольно обычным явлением, однако поэт обращает внимание на необычное поведение одного из находившихся на очаре: он то бледнеет, то краснеет, надвинув папаху на глаза, готов был бы провалиться сквозь землю, если бы она разверзлась, и под конец мы узнаем причину его такого поведения – он хотел бы ударить с очара, как некогда сбежал с фронта [Там же, с. 75].

Народные обычаи и фольклор художественно использованы М. Атабаевым и во многих других стихотворениях: «Сказка о любви», «Птица Атьёк», «Мост Сират», «Во сне», «Однажды было, однажды не было» и др.

На этапе становления кумыкской литературы использование ее представителями фольклорных традиций, как справедливо считает У. Б. Далгат, прошло два уровня. Первый уровень – это «механическое» переложение фольклорных текстов, сюжетов в своих художественных произведениях. Второй уровень характеризуется тем, что фольклорные элементы «переводятся» в иную эмоциональную и смысловую сферу, как в творчестве М. Атабаева [3, с. 14].

В произведениях М. Атабаева мы часто встречаемся с обращениями к обрядовому фольклору – к свадьбам. При этом автор поддерживает в них эстетику оформления торжества, искрометные танцы молодых с *суйдюм-таяком* в руках, всеобщее веселье собравшихся на свадьбу, одновременно осуждая тех родителей невесты, которые заражены «вирусом вещизма» и требуют большой калым.

Список литературы

1. Аджиев А. М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2005. 428 с.
2. Атабаев М. С. Аллагьгъа шюкюр / Слава Богу. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1997. 504 с.
3. Далгат У. Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты. М.: Наука, 1981. 303 с.

THE PECULIARITIES OF ARTISTIC USE OF PEOPLE'S CUSTOMS AND FOLKLORE IN THE POETRY OF MAGOMED ATABAEV

Minatullaeva Madina Magomed-Shapieva, Ph. D. in Philology
Dagestan Institute of Education Development
m_minatullaeva@mail.ru

In the article the author analyzes the originality of the use in the poems by M. Atabaev of the Kumyk customs and folklore associated with the wedding, song-dance “syuydyum-tayak” head-dress, kunachestvo (fraternization) et al., and their new ideological and artistic interpretation. The peculiarity of this interpretation is a shift from the “mechanical” use of folk themes and texts in his poetic works to the “translation” of their meaning to the modern sounding with the simultaneous condemnation of the obsolete adats of the antiquity.

Key words and phrases: literature; folklore; custom; wedding; song; dance; love; wealth; tradition and innovation; syuidyum-tayak.